

ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСТВА В ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Качай И. С.

Научный руководитель – канд. филос. наук Петров М. А.

Сибирский федеральный университет

Творчество – категория особого онтологического порядка, развёртывающая своё содержание в произведении не существовавших ранее ценностей и идей. Уникальность созидательного акта заключена в возможности одномоментного порождения объективной действительности и формирования новых сущностных черт субъекта творчества, имманентных личностным горизонтам свободы и развития. Вместе с тем на различных стадиях историко-философского становления смысловая нагрузка исходного понятия разнится коренным образом.

Так, если в античный период творчество развёртывается в русле космогенеза, то в рамках средневековой философии доминирующим признаком творчества становится демиургическая трансформация бытия из небытия. Если новоевропейский стиль философских измышлений диктует гностическую самостоятельность субъекта в отношении творческого процесса, то в контексте современной философии творчество понимается как феномен экзистенциально-интеллектуального толка.

Совершенно особое понимание творчества наличествует в период древневосточной философии, характеризующейся стремлением к гармоничной взаимосвязи различных социокультурных детерминант. Если в западноевропейской философской традиции понятие «творчество» включает в свой объём такие категории, как «деятельность», «социальный прогресс», «эволюция», то в контексте восточной культуры обнаружение эквивалента понятия творчества весьма проблематично.

Но это вовсе не означает, что проблема творчества не интересовала философские школы буддизма, даосизма и конфуцианства. Напротив, древневосточная культура, интровертная по своей природе, постулировала духовное развитие человека, связанное с достижением творческого единства человека и дао, гармонии Атмана и Брахмана, унисона космоса и человека.

Однако деятельная составляющая творческого человека обладает здесь заниженным аксиологическим статусом по причине стремления не к активному созданию нового, а к относительно пассивной гармонизации сущего. Действительно, древневосточные учения интерпретируют творчество как строительство человека «посредством всех внешне-объективных изменений, а не наоборот», не как «изменение вещей посредством человека» [1, С.131–132].

Характерной особенностью понимания творчества философией Древнего Востока также является тождество одновременно наличествующих *активности* и *пассивности*, которые необходимы для реализации творческих интенций человека. Подобного рода амбивалентное сочетание *действия* и *не-действия*, предельной энергичности и абсолютной инертности образуют некую *творческую тишину*, гармонию человека с Природой, Жизнью, Вселенной.

Неспроста К.Г. Юнг, изучая восточный стиль мышления на примере школ йоги и буддизма, пришёл к выводу о существовании в восточной культуре двух основных образов – *восходящего солнца* и *воды*. Если первый из них помогает сконцентрировать внимание человека, то второй отсылает последнего в мир бессознательного, где внутренние образы душевного мира получают «конкретную реальность, замещающую внешний мир» [5, С.25].

В рамках древнеиндийской философской мысли творчество обладает слабо выраженным индивидуальным началом, растворённым в творческой мощи коллективного и божественного характера. Действительно, в качестве онтологического основания сущего здесь выступает понятие Брахмана и Атмана, которое в Упанишадах пантеистически мыслится как творческий дух.

Некоторые другие древнеиндийские тексты высшей творческой силой полагают Праджапати, обнаруживающего себя в урожае времён года, благодаря чему поддерживается человеческая жизнь. Согласно этим текстам, все творения мира возникли по причине того, что Праджапати, желая иметь потомков, породил *вещество* (материю) и *дыхание* (жизнь), которые, в свою очередь, призваны создать бесчисленное множество творений.

Возникнув из небытия, Праджапати явился творцом всех форм существования, в том числе и Брахмана как онтологической основы вселенной, как изначальной упорядочивающей формы, как живой, созидающей силы. Породив сущее, Праджапати почувствовал опустошённость и страх смерти, что роднит его божественную природу с человеческим миром.

Сам человек, обезличенный индийской космогонической культурой, согласно концепции тайттирия-упанишад, всё же способен к самостоятельному творчеству и достижению блаженства, для чего должен обладать ловкостью и силой. Специфика человеческого творчества раскрывается и во фрагменте «Божественной песни» Шри Бхагавад: «Кто не собран, не может правильно мыслить, у того нет творческой силы; у кого же нет творческой силы – нет мира, а если нет мира, откуда быть счастьем?» [3, С.96].

Таким образом, древнеиндийская философская культура обосновывает творческий акт, главным образом, как процесс божественного устроительства. В антропологическом ключе творчество также возможно, но проявляется как непрерывное следование человека трансцендентальному Абсолюту (будь то Брахман, Праджапати или Кришна), что позволяет обрести свободу, гармонию с миром и тождество с собственной личностью.

Философская традиция Древнего Китая апеллирует к постоянной изменчивости и непрерывному всеобщему становлению природы и общества. Переход от одного состояния бытия к другому фиксируют так называемые гексаграммы, первой и важнейшей из которых является гексаграмма «*цян*», означающая творчество, небо и светлое начало *ян*. Последнее естественным образом порождает все вещи и человека вне телеологического акта сверхъестественного творца.

Творческим истоком бытия в книге «Сицы чжуань» предстаёт *дао*, диалектически развёртывающееся в постоянном противоборстве *ян* и *инь*, которым подчинена вся материальная природа, обладающая совершенством саморазвития и способностью рождения вещи из себя самой. Специфической особенностью дао является забота о воспитании, совершенствовании и поддержке бытийного статуса творений: «Создавать и не присваивать, творить и не хвалиться, являясь старшим, не повелевать» [2, С.130] – вот истинная сила творческого отношения к действительности.

Если древнеиндийские философские построения подчёркивают созидательную беспомощность человека в пользу гармоничного устройства мира, то в некоторых даосских текстах выявляется претензия человека на самостоятельные творческие импульсы, злоупотребление которыми, однако, негацирует нравственные качества творца:

«Хоть небо рождает все толпы народа,
Нельзя уповать лишь на волю творца:
Недобрых совсем не бывает вначале,

Но мало, кто добрым дожил до конца» [2, С.91].

Более того, диссонирующее отношение человека к природе обостряет его ответственность перед самим актом творчества: «Когда люди нарушают [естественное] дао и творят произвол, небо не может сделать их счастливыми» [2, С.167]. В этом смысле человек является творцом собственной жизни, причиной самого себя.

Не менее важным, чем дао, в рамках древнекитайской философской культуры является понятие *жизнетворной силы* («шэндэ»), описывающееся в трактате «Люйши чуньцю». Жизнетворная сила тесно связана с природным началом весны, проявляющимся в рождении и развитии всего живого. Внешним проявлением этой творческой силы является действие различных природных стихий, а глубинными внутренними потенциями служит формирование нравственных способностей личности. При этом каждому человеку воздаётся лишь то, чего он достоин.

Стоит отметить, что истинное творчество в даосской философии неотделимо от общности людей и проявляется в поиске новых бытийных состояний. В этом смысле человек свободен жить творческим мгновением между ускользнувшим настоящим и неосуществившимся будущим. Для полноценного проникновения в смысл творчества человеку необходимо слиться воедино с внутренней глубинной правдой дао, для чего требуется «потерять и ещё раз потерять потерю» [4, С.23].

Творчество словно разлито в мировой гармонии и осуществляется сообразно со стихийным и непознаваемым самопревращением сознания, посредством которого всё сущее становится тем, что оно есть, а человек обретает свою подлинную природу. Согласно учению Чжуан-цзы, онтологический статус дао раскрывается как «предел творческой самореализации вещи, в котором приводятся к полноте и согласию все её свойства» [4, С.31].

Иными словами, творческий характер бытия раскрывается в созидательном соитии культуры и жизни, в игриво-креационистском синкретизме всех форм сознания, в беспристрастном стремлении найти собственно-подлинное бытие, растворяясь в Абсолюте. Только при таком подходе активность людей и пассивность неба сходятся в единое гармоничное целое.

Таким образом, древневосточная философская парадигма пронизана идеей постижения реальности посредством обращения человека внутрь себя. Противопоставление сознательного и бессознательного, субъекта и объекта, чувственного и рационального нивелируется в свете стремления личности к освобождению от сознания, последнее из которых сковывает способность интуитивного проникновения в творческую суть бытия.

В заключение необходимо особо подчеркнуть, что творческий процесс всегда требует от человека повышенной восприимчивости и чуткости созерцания, что позволяет ему на глубинном уровне познавать различные социокультурные процессы. И именно философия Древнего Востока позволяет в наиболее полном виде вскрыть сущность онтологического взаимопроникновения антропологического и трансцендентального пластов единой творческой силы.

Список источников и литературы

1. Батищев, Г.С. Введение в диалектику творчества [Текст] / Г.С. Батищев. – СПб: Изд-во РХГИ, 1997. – 464 с.
2. Древнекитайская философия [Текст] / Собрание текстов: В 2 т. // Сост.: Ян Хин-Шун. – М.: Мысль, 1972. – Т.1. – 1972. – 363 с.
3. Индийская философия [Текст] / Антология мировой философии: В 4 т. / Ред. колл: В.В. Соколов и др. – М.: Мысль, 1969. – Т.1., Ч.1. – 1969. – 576 с.

4. Малявин, В.В. Мудрость безумных речей [Текст] / В.В. Малявин // Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер.: В.В. Малявина. – М.: Мысль, 1995. – 439 с.
5. Юнг, К.Г. О психологии восточных религий и философий [Текст] / К.Г. Юнг. – М.: Медиум, 1994. – 255 с.